

Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 23—37.

Woman in Russian Society. 2025. No. 4. P. 23—37.

Научная статья

УДК 321:316.346.2

EDN: <https://elibrary.ru/zvfcyt>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.4.2

**ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ
В БОРЬБЕ ЗА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО
В СОВРЕМЕННЫХ ЗАПАДНЫХ ДЕМОКРАТИЯХ:
ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ**

Ольга Владимировна Михайлова^{1, 2},
*Дмитрий Игоревич Петропольский*²

¹ Университет «Московский государственный университет —
Пекинский политехнический институт» (МГУ — ППИ) в Шэньчжэне,
г. Шэньчжэнь, Китайская Народная Республика, mikhaylova@spa.msu.ru

² Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Аннотация. Поднимается проблема исключенности отдельных социальных групп из процесса властвования на примере сохраняющейся гендерной асимметрии на лидерских позициях в институтах власти в современных демократиях. В этой связи возникает закономерный вопрос о факторах, препятствующих росту женского политического лидерства в демократиях при наличии условий, обеспечивающих для мужчин и женщин равный доступ к участию в выборах и конкуренцию за лидерские позиции. Значение имеют два взаимосвязанных фактора: социальный и институциональный. Авторы считают, что идеи равенства в доступе к политическим должностям диспропорционально распределены в демократических обществах, что находит свое выражение в результатах выборов. На основе анализа различных конфигураций избирательных и партийных систем авторы показывают, каким образом эти факторы ограничивают возможности женщин-кандидатов участвовать в выборах и выигрывать их.

Ключевые слова: женщины в политике, женское политическое лидерство, демократия, гендерное неравенство, выборы, гендерные стереотипы, избирательная система

Для цитирования: Михайлова О. В., Петропольский Д. И. Женщины и мужчины в борьбе за политическое лидерство в современных западных демократиях: факторный анализ // Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 23—37.

Original article

WOMEN AND MEN IN THE STRUGGLE FOR POLITICAL LEADERSHIP IN CONTEMPORARY WESTERN DEMOCRACIES: FACTOR ANALYSES

Olga V. Mikhaylova^{1,2}, *Dmitry I. Petropolsky*²

¹ Moscow State University — Beijing Institute of Technology (MSU — BIT) University
in Shenzhen, Shenzhen, People's Republic of China, mikhaylova@spa.msu.ru

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article raises the issue of the exclusion of certain social groups from the process of governance, using the example of persistent gender asymmetry in leadership positions in institutions of power in modern democracies. The authors raise a logical question about the factors hindering the growth of female political leadership in democracies, given that conditions exist that ensure equal access for men and women to participate in elections and compete for leadership positions. Two interrelated factors are important, namely social and institutional factors. The authors draw attention to the gap between the state's efforts to support women politicians in taking leading positions in the power hierarchy and the election results, which show a low level of representation of women in leadership positions in politics. The authors believe that ideas of equality in access to political office are disproportionately distributed in democratic societies. The political elite is more liberal in its political views than society, whose attitudes are changing extremely slowly. Society also reacts negatively to the state's efforts to help women take up important political positions. It is this discrepancy that is reflected in the election results. As a result, favorable institutional and informational conditions are created for female candidates, but the results of the vote most often show that these values are not shared by the majority of society (at the moment of expressing their will, traditional ideas about politics have a stronger influence). Based on an analysis of various configurations of electoral and party systems, the authors show how these factors limit the ability of women candidates to participate in elections and win them. The authors conclude that the growth of democratization in the political system does not automatically lead to changes in social expectations, and that the efforts of the state lead to the opposite result, namely resistance and, when extreme positions are reached, a conservative shift in politics.

Key words: women in politics, female political leadership, democracy, gender inequality, elections, gender stereotypes, electoral system

For citation: Mikhaylova, O. V., Petropolsky, D. I. (2025) *Zhenshchiny i muzhchiny v bor'be za politicheskoe liderstvo v sovremennykh zapadnykh demokratiyakh: faktornyy analiz* [Women and men in the struggle for political leadership in contemporary Western democracies: factor analyses], *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, no. 4, pp. 23—37.

Парадокс демократий

Проблема исключенности различных социальных групп из политического процесса, в частности той его части, которая связана с доступом к принятию решений и занятию ведущих политических позиций во власти, относится к одной из актуальных для современных демократий. На протяжении многих десятилетий в логике либеральной повестки государства предпринимали серьезные усилия по сокращению гендерного разрыва, считалось, что в большинстве своем граждане

демократических обществ являются носителями ценностей равенства в доступе всех социальных групп, в том числе к руководящим должностям во всех сферах.

Однако результаты борьбы за снижение уровня гендерного неравенства оказались неутешительными прежде всего в политической сфере. Например, по данным исследовательского проекта Global Gender Gap, индекс Political Empowerment демонстрирует самое низкое значение, по сравнению с другими индексами, — 22,9 % (Health and Survival Subindex — 96,2 %, Economic Participation and Opportunity Subindex — 61,0 %) [Global Gender Gap Report... , 2025]. По оценкам исследователей, наиболее благополучная ситуация с решением этой проблемы в странах Европы и Северной Америки, а Азия и Африка серьезно от них отстают.

В демократических странах представленность женщин в числе законодателей весьма заметна, хотя и далека от равенства, но занятие ими лидерских позиций все еще редкая практика. Кроме того, в ситуации занятия лидерской должности политическая биография женщин нетипична, их карьерный путь если и включает победу на выборах, то первопричиной часто оказывается политическое наследие их мужей или других родственников-мужчин. Например, в США, внутренняя политика которых ориентирована на репрезентативность, кандидата в президенты от Демократической партии в 2016 г. Х. Клинтон сложно назвать самостоятельным политическим игроком. Выдвижение на позицию кандидата от этой же партии в 2024 г. К. Харрис также больше похоже на наследование политического капитала Дж. Байдена, так как эту позицию она заняла вне установленных процедур, в экстраординарных условиях. Тем не менее даже такие, изначально благоприятные, стартовые позиции кандидата, в который раз не позволили женщине занять лидерскую позицию в государстве. Примечательно, что оба раза кандидаты-женщины проигрывали избирательную гонку Д. Трампу, выступающему с консервативных позиций.

В этой связи возникает закономерный вопрос о факторах, препятствующих росту женского политического лидерства в демократиях при наличии условий, обеспечивающих для мужчин и женщин равный доступ к участию в выборах и конкуренцию за лидерские позиции. Определяющее значение имеют два взаимосвязанных фактора: *социальный* (доминирующие в обществе установки и представления о социальных ролях) и *институциональный* (сложившаяся конфигурация норм и правил, регулирующих электоральный процесс).

Думается, тот факт, что избиратели не отдают предпочтение кандидатам-женщинам в том масштабе, которого можно было бы ожидать от граждан демократических обществ, свидетельствует об отсутствии у большинства из них установки на инклюзивность в вопросах политики. Политика в их представлении является делом мужчин [Перес, 2020], чьи социальные характеристики мало изменились за последний век. Успех женщин в борьбе за политические должности во многом связан со значительными усилиями государства, которое использует законодательные и информационно-коммуникационные меры для закрепления в обществе идей равенства и обеспечения неконкурентного доступа женщин к позициям во власти. Помимо этого, следует заметить, что популярность идей снижения гендерного неравенства в политике непропорционально распределена между элитой и обществом: среди представителей элиты сторонников этих

ценностей больше, чем среди рядовых граждан. В силу особенностей рекрутирования элиты на политические и бюрократические должности приходят выпускники университетов, где широко распространены мейнстримные идеи. Общество в этом отношении более консервативно, в нем изменения происходят медленнее и менее равномерно, длительное время сохраняют силу традиционные представления о социальных ролях. При этом именно элита имеет доступ к недемократическому продвижению своих интересов и ценностей через законотворческий процесс, а также промотированию своих нарративов через средства массовой коммуникации и социальные медиа. В итоге для кандидатов-женщин создаются благоприятные институциональные и информационные условия, однако итоги голосования чаще всего фиксируют, что эти ценности не разделяются большинством общества (в момент волеизъявления сильнее оказывается влияние традиционных представлений о политике).

Барьеры на пути к лидерским позициям

Имеющийся в демократиях разрыв между отношением к проблеме гендерного неравенства элиты и общества прекрасно иллюстрирует модель на основе разработок Д. Далеруп [Dahlerup, 2018]. На пути кандидатов-женщин к лидерской позиции у них возникают барьеры на следующих этапах электорального процесса: принятие решения баллотироваться на должность; выдвижение в качестве кандидата от политической партии; получение голосов избирателей в ходе голосования. Рассмотрим подробнее каждый из этапов.

1. Принятие решения баллотироваться на должность

Принятие решения баллотироваться на высокую политическую должность обусловлено главным фактором — доступом к ресурсам для получения конкурентного преимущества в предвыборной кампании. Финансовые ресурсы чаще всего не являются собственностью кандидата, а привлекаются в период кампании, что требует понимания того, насколько спонсоры готовы вкладывать деньги в продвижение кандидата, важна их оценка риска потерь, если на должность выдвигается женщина. В политике большое значение имеет и такой ресурс, как социальный капитал, или имеющиеся у кандидата социальные связи, в том числе с влиятельными персонами внутри политической системы, на ведущих должностях в ключевых политических институтах, которые могли бы оказать поддержку при продвижении кандидата на выборный пост. Время — другой важный ресурс, которым необходимо располагать для построения сначала политической карьеры и потом, в случае успеха, исполнения лидерских функций.

Важное значение имеют образование и профессиональная сфера деятельности будущего кандидата. С одной стороны, на ведущие политические должности могут выдвинуться кандидаты с любым уровнем образования и из любой профессиональной сферы, с другой — в каждой системе есть неформальные барьеры, преодолеть которые могут обладатели дипломов определенных университетов и сделавшие карьеру, например, в юриспруденции, участвующие в гражданских ассоциациях, в политическом активизме. И конечно, достижение лидерских позиций невозможно без амбиций и желания получить определенные значимые для себя результаты.

Таким образом, для возникновения у кандидата готовности баллотироваться на лидерский пост необходимо, чтобы у него возникла уверенность в том, что он не просто может участвовать в этом процессе, но и имеет конкурентное преимущество или может вести конкурентную борьбу наравне с другими кандидатами. Аналогичные ожидания должны возникнуть у руководства политической партии и ее спонсоров. Исследователи пишут, что общественные предрассудки в отношении женщин на лидерских позициях сохраняются и наиболее сильны именно в политике, но на женщин-кандидатов возрастает запрос в определенные моменты времени [Reynolds, 1999; Jalalzai, 2008]:

1) после крупных политических скандалов общественность больше доверяет женщинам-политикам, возлагая на них надежды по наведению порядка, считая их более честными и некоррупцированными, более морально устойчивыми;

2) в результате падения электоральной поддержки политической партии ее руководство нередко выдвигает на лидерскую позицию женщину, полагая, что новая фигура привлечет внимание избирателей и сможет восстановить утраченные позиции.

Как представляется, в силу отсутствия у многих женщин доступа к необходимым для построения карьеры ресурсам по причинам того, что они стремятся и пытаются совмещать профессиональные и семейные траектории, им требуется неформальная поддержка однопартийцев, которые далеко не всегда готовы увидеть женщину на лидерской позиции, их запрос на участие в политике остается невысоким. В этом отношении семейные узы (к примеру, кейс М. Ле Пен) помогают войти в политику, минуя многие важные барьеры, преодолеть «страх успеха» [Hogner, 1992].

2. Выдвижение в качестве кандидата от политической партии

Выдвижение в качестве кандидата от политической партии — важный этап для кандидата, потому что черт характера и мотивации недостаточно для движения к политическому лидерству, они лишь позволяют попасть в селекторат партии. Партийное руководство ведет отбор кандидатов, которые будут баллотироваться в избирательных округах и участвовать в реальной борьбе за голоса избирателей. На его решение выдвигать мужчину или женщину оказывает влияние ряд факторов.

Во-первых, тип политической системы, в которой проводятся выборы. С одной стороны, демократии в силу большей прозрачности и предсказуемости правил политической игры, открытости и понятности каналов рекрутирования на политические должности создают женщинам благоприятные условия ведения конкурентной борьбы при наличии необходимых компетенций и ресурсов. С другой стороны, в переходных и авторитарных политических системах женщины могут оказаться на ключевых позициях, не участвуя в выборах персонально, выдвинутся благодаря протекции партийных руководителей, семейным связям, игнорируя общественную поддержку и мнение избирателей, минуя гендерные предрассудки, которые проявляются на выборах в демократиях.

Во-вторых, избирательная система. На отбор кандидатов партийным руководством влияет, по каким правилам проводятся выборы, какая действует конфигурация элементов избирательной системы, каким образом голоса транслируются в мандаты [Norris, 1985; Paxton, Hughes, 2007]. При действии

мажоритарной избирательной системы относительного большинства страна делится на количество одномандатных округов равное количеству мест в нижней палате парламента. Конкуренция в одномандатных округах самая острая, в них обычно соревнуются только две партии, поэтому цена проигрыша для каждой из них чрезвычайно высока. По этой причине руководство партии с высокой долей вероятности выдвинет в качестве кандидата мужчину, имеющего реальные шансы быть избранным, соответствующего общественным стереотипам электората, чтобы максимизировать голоса.

При действии пропорциональной избирательной системы страна делится на несколько многомандатных округов (либо используется один многомандатный округ), что создает благоприятные условия для появления женщин в качестве кандидатов. Партийный список будет выглядеть более сбалансированно и репрезентативно, отражать особенности социальной структуры общества. Эта связь актуальна для голосования как с открытыми списками, так и с закрытыми. Разница будет, как видится, только в том, что в первой конфигурации ставка делается на женщин с профессиональным авторитетом в округе, потому что избиратель голосует за кандидатов из списка. Во втором случае это могут быть узнаваемые женщины, добившиеся результатов в сферах, не связанных с политикой (к примеру, культура, спорт), и избиратель не может повлиять на получение ими мандата, так как голосует за партию. Кроме того, важно отметить, что пропорциональная избирательная система менее конкурентная, чем мажоритарная система, вследствие чего она открывает партиям больше возможностей для экспериментов с кандидатами без угрозы потери поддержки избирателей.

Выборы глав государств в президентских и полупрезидентских системах проходят по мажоритарной системе. Для политических партий цена проигрыша очень высока, каждая стремится к контролю высшего политического поста в государстве, поэтому отбор кандидатов будет еще более жесткий, внимание к общественным настроениям и стереотипам будет наивысшим. В таких условиях выдвижению женщины могут помочь семейные связи. Однако и этот фактор не всегда срабатывает. Примером является кейс выдвижения Х. Клинтон. Ее неудачная президентская кампания 2016 г., по мнению исследователей, стала результатом действия гендерных стереотипов, что впоследствии сыграло важную роль в отказе партийного руководства от продолжения практики выдвижения женщин (см., напр.: [Masket, 2020]). При этом следует заметить, что Х. Клинтон на выборах собрала суммарно больше голосов избирателей, но проиграла Д. Трампу по количеству голосов выборщиков, что объясняется именно особенностями избирательной системы. Неожиданное для Демократической партии выдвижение в 2024 г. К. Харрис скорее вынужденная рискованная мера для партии, не в последнюю очередь приведшая к проигрышу.

В-третьих, отношение конкретной партии к женскому лидерству [Niven, 1998]. Имеют значение не только институциональные факторы, но и предпочтения партийного руководства и влиятельных фигур внутри партии. Если для избирателя партийная идентичность может сгладить неудовлетворенность от того, что кандидатом является женщина, то для партийцев стереотипы и предрассудки выходят на первый план при принятии решений [Henderson et al., 2022]. Они усиливаются, если являются частью партийной идеологии. Так, консервативные

партии не склонны продвигать женщин-кандидатов. Здесь Великобритания является исключением: в истории Консервативной партии четыре женщины в разное время возглавляли ее и три из них становились премьер-министрами страны — Маргарет Тэтчер (1979—1990 гг.), Тереза Мэй (2016—2019 гг.) и Элизабет Трасс (сент. 2022 г. — окт. 2022 г.). И это наилучший результат. Ныне положение действующего лидера Консервативной партии и лидера оппозиции занимает Кэми Баденкок (возглавила партию в ноябре 2024 г.), первая чернокожая женщина, занявшая эти должности*. Левые партии, придерживающиеся эгалитарных принципов, будут более открыты для привлечения представителей разных социальных групп [Krook et al., 2009]. Если партия использует модель распределенного партийного лидерства, то у нее также есть возможность назначить на пост сопредседателя партии женщину с дальнейшей перспективой ее участия в борьбе за лидерскую позицию.

В-четвертых, гендерные квоты. Несколько десятков стран ввели гендерные квоты, фиксирующие определенное количество мест в парламенте или на должностях, которые должны занять женщины. Эта мера предполагает стремительное решение проблем гендерного дисбаланса в политике, в противовес постепенному расширению возможностей женщин в этой сфере. Например, во Франции с 2013 г. представители одного пола не могут занимать в государственных учреждениях более 60 % должностей. За нарушение этого закона в 2020 г. была оштрафована мэрия Парижа, где было выявлено несоответствие квоте, хотя нарушение и произошло в пользу женщин [Григорьева, Жохова, 2022]. В 2021 г. гендерные квоты для замещения руководящих должностей в государственных и коммерческих организациях установила Германия, сопроводив это жесткими мерами контроля, потому что добровольное следование подобным установлениям часто не приводит к желаемому для государства результату.

Вопрос использования гендерных квот до сих пор остается одним из самых дебатированных в науке и практике. В этой связи следует обратить внимание на два эффекта от их использования. С одной стороны, квоты способствуют росту представленности женщин в политике и создают благоприятные условия для роста женского политического лидерства, потому что партийное руководство под давлением требований закона вынуждено обеспечивать гендерное равенство между кандидатами [Aldrich, Daniel, 2020; Hallman, 2020; Lu, 2020]. Присутствие женщин в парламенте положительно коррелирует с их доступом к работе в комитетах, к министерским портфелям и должностям главы государства или правительства. Многочисленные исследования подтверждают, что уровни образования и профессиональной квалификации женщин, пришедших в политику благодаря квотам, не отличаются в худшую сторону от аналогичных показателей мужчин.

Однако у этой медали есть и вторая сторона, потому что убедительно звучат и доводы тех, кто полагает, что квоты вредят представительству тех социальных групп, которым призваны помочь. Например, они порождают эффект

* В истории Лейбористской партии Великобритании только две женщины возглавляли ее, среди либеральных демократов — три, наибольшее число женщин стояли во главе партии зеленых Англии и Уэльса — 8. С 2016 г. Партию альянса Северной Ирландии возглавляет Наоми Лэнг.

компромисса, при котором краткосрочные выгоды в гендерном представительстве приводят в долгосрочном плане к исключению женщин из доступа к занятию руководящих позиций во власти [O'Brien, Rickne, 2016]. Позитивная дискриминация подрывает статус и эффективность нахождения женщин в политике, приводит к стигматизации, что может нанести урон их политической карьере в будущем. Стигматизация в данном случае означает, что группа большинства приписывает негативные и стереотипные атрибуты членам группы меньшинства. Это проявляется, к примеру, в более тщательном изучении законопроектов, инициируемых женщинами, в агрессии со стороны мужчин в отношении женщин в ходе дебатов (на предвыборных дебатах Д. Трамп назвал представительниц Демократической партии США «бездетными кошачницами», говорил о том, что у К. Харрис «смех сумасшедшего»). Основная проблема с квотами состоит в том, что они воспринимаются как способ обеспечения доступа к власти некачественным кандидатам в обход меритократического принципа. Профессионализм женщин, таким образом, постоянно ставится под вопрос, что не позволяет им эффективно выполнять свои функции, участвовать в правительственных коалициях [Kanthak, Krause, 2012].

Важно заметить, что политика квот не работает сама по себе и не дает запланированного результата вне институционального контекста, ее эффективность напрямую связана с типом принятой в стране избирательной системы. По оценкам исследователей, квоты проще применять в пропорциональных избирательных системах, наибольшая эффективность достигается при условии использования закрытых списков и требовании закона к размещению кандидатов (например, каждый третий), а также при наличии санкций за неисполнение требований (отклонение списков партий).

Влияние квот при использовании пропорциональной избирательной системы с открытыми списками уже менее предсказуемо, потому что увеличение доли женщин зависит в данном случае не от воли партийного руководства, а от того, за каких кандидатов отдадут голоса избиратели. Это означает, что партия может включить в список кандидатов-женщин, но за них не проголосуют [Jankowski, Marcinkiewicz, 2019]. Например, такая система действует в Люксембурге, где установлена цель достичь 40 %-го женского представительства, а на практике достигнуто 35 % [Luxembourg's ptofile... , 2025].

Квоты могут работать в мажоритарных избирательных системах, но в ситуациях наличия зарезервированных мест для женщин, в противном случае уровень представительства женщин поднять крайне проблематично [Bhavnani, 2009]. В Индии целевая квота — 30 %, достигнуто — 14 % [India's ptofile... , 2025]. Например, во Франции действует мажоритарная система абсолютного большинства и при запланированном 50 %-м представительстве достигнуто только 36 % [France's ptofile... , 2025]. Великобритания использует мажоритарную систему относительного большинства, но не ввела квоты, при этом именно в данной стране женщины наиболее успешны в достижении лидерских позиций. Как уже говорилось, новым лидером Консервативной партии стала первая чернокожая женщина Кемми Баденкок. При благоприятном развитии событий для этой партии на следующих выборах она сможет занять пост главы правительства. В то же время нельзя не отметить, что ее политическая карьера началась

в 2017 г., когда она одержала победу над соперницей (не над кандидатом-мужчиной) от Лейбористской партии на выборах в палату общин.

При действии смешанных избирательных систем влияние квот также нельзя назвать убедительным. Например, в Непале действует параллельная смешанная система (мажоритарная и пропорциональная с закрытыми списками), что привело к сильному разрыву между целью и достижением (50 и 34 % соответственно) [Nepal's ptofile... , 2025].

Для эффективности гендерных квот большое значение имеет также тип партийной системы. В однопартийных системах руководство партии часто предпринимает шаги по повышению уровня представительства женщин в целях демонстрации своей прогрессивности, открытости вызовам времени [Bush, Zetterberg, 2021]. В многопартийных системах инновации в одной партии могут стимулировать подражание и копирование со стороны партий-конкурентов [Caul, 2001]. В то же время большое количество партий в целом негативно влияет на электоральные перспективы женщин, потому что каждой партии становится доступно меньше мандатов в парламенте и они делают ставку на мужчин [Belscher, 2022]. Более сильные в организационном плане партии с устоявшейся и разветвленной структурой с большей вероятностью поддержат квоты, так как они могут создавать дополнительные возможности для участия женщин в политике и их профессионального роста посредством организации специальных внутрипартийных комитетов [Bjarnergard, Zetterberg, 2011].

3. Получение голосов избирателей в ходе голосования

До сих пор в массовом сознании граждан даже в демократических странах, декларирующих толерантность и готовность повышать представительство различных социальных групп в политике, доминирует классическая парадигма политического лидерства, акцентирующая значение определенных качеств для политика, находящегося на вершине властной иерархии. Неслучайно во всех странах в процессе принятия политических решений участвуют в основном только мужчины среднего возраста из доминирующей этнической, социальной и экономической элиты. Избиратели часто ценят в политиках, претендующих на лидерские позиции, смелость, амбициозность, решительность, но не наделяют этими чертами женщин-политиков, которые, наоборот, если и демонстрируют такие черты, то вызывают скорее отторжение и критику. Сильная связь политического лидерства с чертами характера, приписываемыми мужчинам, определяет в итоге и гендерный состав лидеров в мире.

Один из наиболее известных примеров — это статистика по всей выборной кампании 2008 г. в США (праймериз Клинтон/Обама). Согласно опросу, проведенному в тот период исследовательским центром Pew Research Center среди 1501 человека взрослого населения, 71 % опрошенных заявили, что для них не имеет значения, будет ли кандидат в президенты женщиной; 19 % сказали, что с большей вероятностью проголосуют за женщину-кандидата, 9 % — с меньшей вероятностью. И тем не менее в «супервторник» молодые женщины отдали предпочтение Обама — 53 % против 45 % в пользу Клинтон, и ни в одном штате, кроме родного для Клинтон Арканзаса, где за нее проголосовало более 60 % женщин, голоса женщин были не в ее пользу (везде менее 50 %).

В электоральном поведении граждан просматриваются разные подходы. Один из них основан на исследовании устойчивых паттернов голосования, которые существуют как в странах, так и на уровне разных регионов внутри страны, а именно насколько электоральное поведение граждан отражает влияние локальной политической среды, включая случаи, когда отдельный гражданин имеет взгляды, отличные от своего окружения, но в момент выборов он, вероятнее всего, подчинится доминирующему в его районе мнению, поскольку никто не желает выделяться из толпы. Пространственная модель электорального поведения граждан в различных районах Франции активно анализировалась в ходе и после выборов 2022 г. [Захарова, 2021; Григорьева, Жохова, 2022].

Во многом по этой причине женщины, стремящиеся добиться лидерских позиций, намеренно демонстрируют или пытаются демонстрировать наличие ценных избирателями черт характера, стремятся не соответствовать традиционным гендерным стереотипам в своих поступках, одновременно стараясь не разрушить ожидаемый образ женственности во внешности и личной жизни [Жохова, 2023]. Достичь такого баланса крайне сложно, потому что гендерные ожидания чрезвычайно сильны именно в политике, они культурно укоренены и неформально поддерживаются, несмотря на все формальные попытки их преодолеть.

Заключение

Политическое лидерство является наиболее сложной проблемой в вопросах гендера, потому что оно полностью зависит от общественных ожиданий: лидер связан со своими последователями и не получит поддержки, если не обладает легитимностью в их глазах. Акцентирование гендерной принадлежности лидера негативно сказывается на успехах женщин в этой роли, их ошибки и неудачи будут связываться с гендерной принадлежностью, что закрепляет предрассудки в сознании. В наиболее сложной ситуации оказываются женщины-лидеры, которые первыми достигают этой позиции в своей области. Их действия, решения, поступки оказываются в центре внимания, усиливается символический эффект, по сути, они лишаются права на ошибку, оценка обществом их деятельности будет впоследствии проецироваться на других женщин, претендующих на лидерские позиции.

Таким образом, складывается ситуация, при которой кандидат-женщина, пройдя сложный путь от принятия решения участвовать в политике, выдвижения от политической партии до голосования на выборах, сталкивается с самым сложноподолимым препятствием — получением поддержки консервативного в вопросах политического лидерства электората, не готового поддержать ее, если существует альтернатива. Альтернатива появляется благодаря действию определенной конфигурации институтов (избирательная и партийная системы), что в итоге создает парадокс: ориентированные на принцип демократичности и расширения представительства многопартийные системы при действии пропорциональной избирательной системы с открытыми списками сужают коридор карьерных возможностей для женщин, потому что предоставляют избирателю широкий выбор кандидатов, за которых они могут отдать голос, не нарушая свою политическую идентичность. Например, в открытом списке поддержать кандидатов-мужчин несмотря на то, что партия изначально предлагает гендерно сбалансированный набор.

Или отдать свой голос за кандидата от другой политической партии, но близкой по своей идеологии к той, за которую избиратель готов был проголосовать, если бы эта партия не выдвинула в качестве кандидата женщину.

В противоположность этому менее репрезентативные двухпартийные системы при действии мажоритарной системы относительного большинства институционально оказываются более перспективными для женщин-кандидатов, поэтому не оставляют избирателю возможности проголосовать за альтернативу без нарушения политической идентичности. Иначе говоря, если политическая партия выдвинула на выборы кандидата-женщину, что противоречит ожиданиям избирателей, они с высокой долей вероятности ее все-таки поддержат, так как отказ от голосования за нее будет означать рост шансов на победу у конкурирующей партии, что имеет более негативные последствия для сторонников партии (партийная идентичность оказывается важнее гендерных стереотипов).

Однако институциональный фактор не действует изолированно от социально-культурного фактора, социальные ожидания партийного руководства и электората также имеют большое значение. Руководители партий обоснованно опасаются, что избиратели не проголосуют за кандидата-женщину, и стараются застраховать риски, делая ставку на кандидатов-мужчин в одномандатных округах. Кроме того, значение имеет и качество институтов (структурированность партийной системы, волатильность предпочтений электората). В стабильных партийных системах с устоявшейся партийной идентичностью электората (для избирателя имеют значение ценности партии, а не личность кандидата) поддержка женщин-кандидатов с высокой долей вероятности будет выше, чем в неустоявшихся партийных системах (новые демократии, поставторитарные режимы), где личность политика, его авторитет в глазах избирателей имеют большее значение, чем партийная принадлежность.

В итоге следует констатировать, что проблема исключенности отдельных социальных групп из процесса принятия политических решений и занятия лидерских позиций в политической сфере остро встает в ситуации роста уровня демократизации политической системы, который автоматически не влечет за собой изменений социальных ожиданий, гендерной культуры, исчезновение стереотипов в отношении тех или иных групп. Институциональные изменения проходят более стремительно, правительства проводят политику по ускоренному включению социальных групп в политическую систему, законодательно формируют режим особого благоприятствования, но социально-культурная среда очень устойчива и часто входит в конфликт с институциональными трансформациями. В демократических системах этот конфликт проявляет себя наиболее остро, потому что волеизъявление на выборах не контролируется государством. Делая свой выбор, давая оценку работе политиков, граждане находятся не только под влиянием информационного потока, но и в плену своих стереотипов. Со временем происходит постепенное изменение отношения к тем или иным социальным группам, но, как представляется, политическое лидерство находится в конце списка, о чем убедительно свидетельствует гендерная асимметрия в политике. Нередко активность государства встречает сопротивление, что приводит к стигматизации и неприятию практики позитивной дискриминации.

Список источников

- Григорьева Н. С., Жохова А. А. Политическая риторика женщин-лидеров в избирательной кампании по выборам президента Франции 2022 г. // *Женщина в российском обществе*. 2022. № 4. С. 48—58.
- Жохова А. А. Сравнительный анализ особенностей женского политического лидерства в Великобритании и Франции в XX—XXI вв.: проблемы и перспективы // *Вопросы политологии*. 2023. Т. 13, вып. 6, ч. 1. С. 2607—2615.
- Захарова Е. А. Влияние административно-территориальной реформы на электоральное поведение во Франции // *Международные процессы*. 2021. Т. 19, № 3. С. 123—146.
- Перес К. К. Невидимые женщины: почему мы живем в мире, удобном только для мужчин: неравноправие, основанное на данных: пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2022. 496 с.
- Aldrich A., Daniel W. The consequences of quotas: assessing the effect of varied gender quotas on legislator experience in the European Parliament // *Politics and Gender*. 2020. Vol. 16, iss. 3. P. 738—767.
- Belscher J. Electoral engineering in new democracies: strong quats and weak parties in Tunisia // *Government and Opposition*. 2022. Vol. 51, iss. 1. P. 108—125.
- Bhavnani R. Do electoral quotas work after they are withdrawn? Evidence from a natural experiment in India // *American Political Science Review*. 2009. Vol. 103, iss. 1. P. 23—35.
- Bjarnergard E., Zetterberg P. Removing quotas. Maintaining representation: overcoming gender inequalities in political party representation // *Representation*. 2011. Vol. 47, iss. 2. P. 187—199.
- Bush S., Zetterberg P. Gender quotas and international reputation // *American Journal of Political Science*. 2021. Vol. 65, iss. 2. P. 326—341.
- Caul M. Political parties and the adoption of candidate gender quates: a cross-national analysis // *The Journal of Politics*. 2001. Vol. 62, iss. 4. P. 1214—1229.
- Dahlerup D. *Has Democracy Failed Women?* Cambridge: Polity Press, 2018. 144 p.
- France's profile. United Nations Gender Quota Portal // UN Women. Last updated, January 1, 2025. Data source for women's representation: Inter-Parliamentary Union. As of January 1, 2025. URL: <https://genderquota.org/country-profiles?countryId=44> (дата обращения: 27.09.2025).
- Global Gender Gap Report 2025 // World Economic Forum. URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2025.pdf (дата обращения: 27.09.2025).
- Hallman M. Gender quotes, women's representation and legislation diversity // *The Journal of Politics*. 2020. Vol. 82, iss. 4. P. 1271—1286.
- Henderson J., Sheagley G., Goggin S., Dancey L., Theodoridis A. Primary divisions: how voters evaluate policy and group differences in interparty contests // *The Journal of Politics*. 2022. Vol. 83, iss. 3. P. 1760—1776.
- Horner M., Fleming J. The motive to avoid success // *Motivation and Personality: Handbook of Thematic Content Analysis*. Cambridge University Press (UK), 1992. P. 179—189.
- India's profile. United Nations Gender Quota Portal // UN Women. Last updated, January 1, 2025. Data source for women's representation: Inter-Parliamentary Union. As of January 1, 2025. URL: <https://genderquota.org/country-profiles?countryId=259> (дата обращения: 27.09.2025).
- Jalalzai F. Women rule: shattering the executive glass ceiling // *Politics and Gender*. 2008. Vol. 4, iss. 2. P. 205—231.
- Jankowski M., Marcinkiewicz R. Ineffective and counterproductive? The impact of gender quotes in open-list proportional representation systems // *Politics and Gender*. 2019. Vol. 15, iss. 1. P. 1—33.

- Kanthak K., Krause G. The Diversity Paradox: Political Parties, Legislatures, and the Organisational Foundations of Representation in America. New York: Oxford University Press, 2012. 224 p.
- Krook M., Lovenduski J., Squires J. Gender quotas and models of political citizenship // *British Journal of Political Science*. 2009. Vol. 39, iss. 4. P. 781—803.
- Lu S. The electoral quota — a form of gender quota to increase women's participation in parliament: a quantitative study from a survey in the Middle East // *Journal of International Women's Studies*. 2020. Vol. 21, iss. 6. P. 391—404.
- Luxembourg's profile. United Nations Gender Quota Portal // UN Women. Last updated, January 1, 2025. Data source for women's representation: Inter-Parliamentary Union. As of January 1, 2025. URL: <https://genderquota.org/country-profiles?countryId=64> (дата обращения: 27.09.2025).
- Maskett S. Learning from Loss: the Democrats 2016—2020. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 256 p.
- Nepal's profile. United Nations Gender Quota Portal // UN Women. Last updated, January 1, 2025. Data source for women's representation: Inter-Parliamentary Union. As of January 1, 2025. URL: <https://genderquota.org/country-profiles?countryId=73> (дата обращения: 27.09.2025).
- Niven D. Party elites and women candidates. The shape of bias // *Women and Politics*. 1998. Vol. 19, iss. 2. P. 57—80.
- Norris P. Women's legislature participation in Western Europe // *Western European Politics*. 1985. Vol. 8, iss. 4. P. 90—101.
- O'Brien D., Rickne J. Gender quotas and women's political leadership // *American Political Science Association*. 2016. Vol. 110, iss. 1. P. 112—126.
- Paxton P., Hughes M. Women, Politics, and Power: a Global Perspective. Thousand Oaks (California): Pine Forge Press, 2007. 400 p.
- Reynolds A. Women in the legislature and executives of the world: knocking at the highest glass ceiling // *World Politics*. 1999. Vol. 51, iss. 4. P. 547—572.

References

- Aldrich, A., Daniel, W. (2020) The consequences of quotas: assessing the effect of varied gender quotas on legislator experience in the European Parliament, *Politics and Gender*, vol. 16, iss. 3, pp. 738—767.
- Belscher, J. (2022) Electoral engineering in new democracies: strong quotas and weak parties in Tunisia, *Government and Opposition*, vol. 51, iss. 1, pp. 108—125.
- Bhavnani, R. (2009) Do electoral quotas work after they are withdrawn? Evidence from a natural experiment in India, *American Political Science Review*, vol. 103, iss. 1, pp. 23—35.
- Bjarnegard, E., Zetterberg, P. (2011) Removing quotas. Maintaining representation: overcoming gender inequalities in political party representation, *Representation*, vol. 47, iss. 2, pp. 187—199.
- Bush, S., Zetterberg, P. (2021) Gender quotas and international reputation, *American Journal of Political Science*, vol. 65, iss. 2, pp. 326—341.
- Caul, M. (2001) Political parties and the adoption of candidate gender quotas: A cross-national analysis, *The Journal of Politics*, vol. 62, iss. 4, pp. 1214—1229.
- Dahlerup, D. (2018) *Has Democracy Failed Women?*, Cambridge: Polity Press.
- France's profile. United Nations Gender Quota Portal (2025), *UN Women*, Last updated, January 1, 2025. Data source for women's representation: Inter-Parliamentary Union.

- As of January 1, 2025, available from <https://genderquota.org/country-profiles?countryId=44> (accessed 27.09.2025).
- Global Gender Gap Report 2025 (2025), *World Economic Forum*, available from https://reports.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2025.pdf (accessed 27.09.2025).
- Grigorieva, N. S., Zhokhova, A. A. (2022) Politicheskaia ritorika zhenshchin-liderov v izbiratel'noi kampanii po vyboram prezidenta Frantsii 2022 g. [Political rhetoric of women leaders in the French presidential election campaign 2022], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 48—58.
- Hallman, M. (2020) Gender quotes, women's representation and legislation diversity, *The Journal of Politics*, vol. 82, iss. 4, pp. 1271—1286.
- Henderson, J., Sheagley, G., Goggin, S., Dancy, L., Theodoridis, A. (2022) Primary divisions: How voters evaluate policy and group differences in interparty contests, *The Journal of Politics*, vol. 83, iss. 3, pp. 1760—1776.
- Horner, M., Fleming, J. (1992) The motive to avoid success, in: Smith, C. P. (ed.), *Motivation and Personality: Handbook of Thematic Content Analysis*, Cambridge University Press, UK, pp. 179—189.
- India's profile. United Nations Gender Quota Portal (2025), *UN Women*, Last updated, January 1, 2025. Data source for women's representation: Inter-Parliamentary Union. As of January 1, 2025, available from <https://genderquota.org/country-profiles?countryId=259> (accessed 27.09.2025).
- Jalalzai, F. (2008) Women rule: shattering the executive glass ceiling, *Politics and Gender*, vol. 4, iss. 2, pp. 205—231.
- Jankowski, M., Marcinkiewicz, R. (2019) Ineffective and counterproductive? The impact of gender quotes in open-list proportional representation systems, *Politics and Gender*, vol. 15, iss. 1, pp. 1—33.
- Kanthak, K., Krause, G. (2012) *The Diversity Paradox: Political Parties, Legislatures, and the Organisational Foundations of Representation in America*, New York: Oxford University Press.
- Krook, M., Lovenduski, J., Squires, J. (2009) Gender quotes and models of political citizenship, *British Journal of Political Science*, vol. 39, iss. 4, pp. 781—803.
- Lu, S. (2020) The electoral quota — a form of gender quota to increase women's participation in parliament: A quantitative study from a survey in the Middle East, *Journal of International Women's Studies*, vol. 21, iss. 6, pp. 391—404.
- Luxembourg's profile. United Nations Gender Quota Portal (2025), *UN Women*, Last updated, January 1, 2025. Data source for women's representation: Inter-Parliamentary Union. As of January 1, 2025, available from <https://genderquota.org/country-profiles?countryId=64> (accessed 27.09.2025).
- Masket, S. (2020) *Learning from Loss: the Democrats 2016—2020*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Nepal's profile. United Nations Gender Quota Portal (2025), *UN Women*, Last updated, January 1, 2025. Data source for women's representation: Inter-Parliamentary Union. As of January 1, 2025, available from <https://genderquota.org/country-profiles?countryId=73> (accessed 27.09.2025).
- Niven, D. (1998) Party elites and women candidates. The shape of bias, *Women and Politics*, vol. 19, iss. 2, pp. 57—80.
- Norris, P. (1985) Women's legislature participation in Western Europe, *Western European Politics*, vol. 8, iss. 4, pp. 90—101.
- O'Brien, D., Rickne, J. (2016) Gender quotes and women's political leadership, *American Political Science Association*, vol. 110, iss. 1, pp. 112—126.
- Paxton, P., Hughes, M. (2007) *Women, Politics, and Power: A Global Perspective*, Thousand Oaks, California: Pine Forge Press.

- Peres, K. K. (2022) Nevidimye zhenshchiny: pochemu my zhivëm v mire, udobnom tol'ko dl'a muzhchin: Neravnopravie, osnovannoe na dannyykh [Invisible women: exposing data bias in a world designed for men], Moscow: Al'pina Publisher.
- Reynolds, A. (1999) Women in the legislature and executives of the world: knocking at the highest glass ceiling, *World Politics*, vol. 51, iss. 4, pp. 547—572.
- Zakharova, Ye. A. (2021) Vliianie administrativno-territorial'noï reformy na èlektoral'noe povedenie vo Frantsii [The impact of administrative-territorial reform on electoral behavior in France], *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 19, no. 3, pp. 123—146.
- Zhokhova, A. A. (2023) Sravnitel'nyĭ analiz osobennostey zhenskogo politicheskogo liderstva v Velikobritanii i Frantsii v XX—XXI vv.: problemy i perspektivy [Comparative analysis of the features of women's political leadership in the Great Britain and France in the 20th — 21st centuries: problems and prospects], *Voprosy politologii*, vol. 13, iss. 6, pt. 1, pp. 2607—2615.

Статья поступила в редакцию 01.10.2025; одобрена после рецензирования 15.10.2025; принята к публикации 22.10.2025.

The article was submitted 01.10.2025; approved after reviewing 15.10.2025; accepted for publication 22.10.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Михайлова Ольга Владимировна — доктор политических наук, профессор, Университет МГУ — ППИ в Шэньчжэне, г. Шэньчжэнь, КНР; профессор кафедры политического анализа, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, mikhaylova@spa.msu.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor, Shenzhen MSU — BIT University, Shenzhen, People's Republic of China; Professor at the Department of Political Analysis, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Петропольский Дмитрий Игоревич — соискатель кафедры социологии управления, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, dip.txt@gmail.com (Applicant at the Department of Sociology of Management, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).